

Б. Тихомиров

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДОСТОЕВСКОГО (УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ)

1. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРИЗНАНИЯ ДОСТОЕВСКОГО С ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В процессе подготовки нового Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, издаваемого в Петрозаводске¹, проводится сплошной анализ всех сохранившихся творческих рукописей писателя. В результате выявлено известное количество мест, преимущественно среди черновых материалов к художественным и публицистическим произведениям, которые требуют более или менее серьезных уточнений или исправлений по сравнению с их публикацией в академическом Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 томах². Все эти новые прочтения в свое время, по мере выхода в свет очередных томов издания, станут достоянием исследователей. Но есть среди них несколько случаев, которые желательно ввести в научный оборот уже сейчас, так как они относятся к очень важным текстам писателя, широко востребованным в современных исследованиях.

1

В первую очередь речь пойдет о творческих материалах к роману «Бесы», среди которых содержится набросок диалога между Шапошниковым и Грановским — будущими Шатовым и Степаном Трофимовичем

¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Издание в авторской орфографии и пунктуации под редакцией проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995–2000. Т. I–IV (издание продолжается). Пользуюсь возможностью выразить искреннюю признательность В. Н. Захарову за предоставление мне материалов, без которых настоящие заметки не могли бы состояться.

² *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 томах. Л., 1972–1990.

Верховенским. На ряд реплик Шалошникова–Шатова из этого диалога в последнее время исключительно часто ссылаются современные исследователи, преимущественно как на личные признания самого Достоевского, находя в них *исповедание веры* писателя. Не входя сейчас в сложный вопрос разграничения позиций автора и его героя, тем более в *черновых* творческих материалах (проблема в ее специфике не вполне еще осознанная современной наукой), сосредоточимся на сугубо текстологической стороне дела.

Одно из мест этого фрагмента, индекс цитации которого сегодня очень высок, в ПСС опубликовано так: «<...> Да Христос и приходил затем, чтоб человечество узнало, что⁸ знания, природа духа человеческого⁹ может явиться¹⁰ в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, что это и естественно и возможно. Этим и земля оправдана¹¹. Последователи Христа, обоготворившие эту просиявшую плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту плоть, подражать совершенству этого образа и веровать в него во плоти¹.<...>» (11; 112–113).

Подстрочные примечания к этому месту в ПСС выглядят так:

«⁸ Далее было: и его

⁹ духа человеческого *вписано*.

¹⁰ *Вместо*: может явиться — *было начато*: может явиться действительного

¹¹ что это ~ земля оправдана. *вписано на полях*» (11; 112).

«¹ во плоти *вписано*» (11; 113).

Такое прочтение вызывает вопросы еще до обращения к рукописи, вернее, эти вопросы и диктуют необходимость нового обращения к рукописи. Например, как понимать следующее место: «<...> чтоб человечество узнало, что знания (?), природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске <...>»? Это «знания» тем более непонятно в данном контексте, что, как помечено в сноске, «духа человеческого» оказывается позднейшей вставкой. Следовательно, ранний слой должен читаться так: «<...> чтоб человечество узнало, что [и его] знания, природа может явиться в таком небесном блеске <...>». Еще менее вразумительный вариант! Недаром некоторые исследователи, цитируя это место, опускают загадочное «знания», обозначая место купюры отточием в ломаных скобках.

Тщательный анализ рукописи позволяет решить проблему. Верхний слой этого места на самом деле должен читаться так: «<...> чтоб человечество узнало, что земная природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске <...>». Но вариант «земная» возник под пером писателя не сразу. Первоначально, по-видимому, намечался такой текст: «<...> чтоб человечество узнало, что и его человеческая природа?»; но Достоевского не вполне устраивает определение «человеческая», и, не дописав слова, он переправляет «че» на «зе», продолжая:

«земная». Но и новый вариант: «<...> что и его земная природа может явиться <...>» также не удовлетворяет писателя, кажется недостаточно определенным и острым. И тогда возникает вставка (параллельно требующая зачеркивания «и его»): «<...> что и его земная природа **духа человеческого** может явиться <...>». Как можно полагать, этот окончательный вариант, к которому так не сразу пришел Достоевский, важен для писателя сопряжением в нем «земли» и «духа» (но здесь анализ из текстологической плоскости уже выходит в план концептуальной интерпретации, и поэтому я должен остановиться).

Второе место в процитированном выше фрагменте, наоборот, без обращения к рукописи не вызывает никаких вопросов. Но обусловлено это не вполне корректной подачей вариантов текста в подстрочном примечании. Речь идет о приобщении с полей *двух* фраз, замыкающих только что проанализированный пассаж: «<...> может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, **что это и естественно и возможно. Этим и земля оправдана**». В подстрочнике указано, что выделенный текст *вписан на полях*. Но не отмечено и не учтено, что эти фразы приписаны *разным пером* и представляют собой *разновременную доработку* первоначального текста. В основном тексте, действительно, писателем указано место вставки после слов «и в идеале», но распространяется эта вставка лишь на фразу: «что это и естественно и возможно», — которая *жирным пером* была приписана на полях *первой*. Этот нюанс оказывается исключительно важен потому, что вторая фраза, *тонким пером* приписанная на полях *позднее*, в автографе читается не так, как это воспроизведено в ПСС, и в своем подлинном виде не может быть приобщена к соответствующему месту основного текста, отмеченному знаком вставки. Однозначное, без вариантов, чтение второй приписки на полях: «**Этим** земля оправдана». Неоправданная контаминация в прочтении ПСС с непреложностью влечет за собой единственно возможное понимание: «**Этим и земля оправдана**» — то есть приходом Христа, откровением Его богочеловеческой природы. Автограф же предполагает другую соотнесенность: «**Этим** земля оправдана» — то есть *последователями Христа*, о которых здесь же говорится: «<...> Последователи Христа, обоготворившие эту просиявшую плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту плоть, подражать совершенству этого образа и верить в него во плоти <...>»³. Нечего и говорить, насколько в контексте творческих размышлений Достоевского

³ Отмечу, что именно так эта текстологическая проблема разрешена и первым публикатором подготовительных материалов к «Бесам» Е.Н.Коншиной, которая, во-первых, дает чтение: «**Этим** земля оправдана», а во-вторых, приобщает эту приписку на полях к фрагменту о «последователях Христа» (см.: Записные тетради Ф.М.Достоевского. М.; Л.: Academia, 1935. С. 155). В данном случае я фактически лишь солидаризируюсь с первопубликатором данного фрагмента. Считаю необходимым это отметить еще и потому, что в первом случае («земная природа духа человеческого»), напротив, уже ПСС тождественно повторяет чтение Е.Н.Коншиной, которое оспаривается в настоящей заметке.

оказывается значимым это различие. Стоит только вспомнить пафос Ивана Карамазова или его героя Великого инквизитора, исходивших из принципиальной невозможности для человека последовать Христу, о том же говорит и Версиров в «Подростке» и т. д. Но здесь я опять выхожу за рамки текстологической проблематики...

В заключение считаю не лишним привести сводное чтение верхнего слоя проанализированного фрагмента, чтобы дать возможность исследователям, не дожидаясь выхода в свет тома петрозаводского ПСС с подготовительными материалами к «Бесам», аутентично цитировать этот исключительной важности текст Достоевского:

«Да Христос и приходил за тем, чтоб человечество узнало что земная природа духа человеческого может явиться в таком небесном блеске, в самом деле и во плоти, а не то что в одной только мечте и в идеале, что это и естественно и возможно. Последователи Христа обоготворившие эту просиявшую плоть, засвидетельствовали в жесточайших муках, какое счастье носить в себе эту плоть, подражать совершенству этого образа и веровать в него во плоти» (приписка на полях без обозначения места вставки: «Этим земля оправдана»).

2

Второй случай гораздо более простой в текстологическом отношении, но также касается важного чернового текста Достоевского, пожалуй, не уступающего по частоте цитирования проанализированному фрагменту из подготовительных набросков к «Бесам». Речь идет о записи в тетради с творческими материалами к роману «Преступление и наказание», где писатель, по мнению большинства исследователей, сформулировал «идею» этого произведения на одной из ранних стадий работы над ним.

Не буду воспроизводить эту запись в том варианте, который опубликован в ПСС, поскольку здесь уточнение касается не того или иного локального прочтения, но общей композиции (последовательности) текста. В придачу подстрочные примечания ПСС вновь не проясняют, а затемняют истинный характер движения текста. И вновь спорный вопрос упирается в решение задачи приобщения (на этот раз достаточно обширного) фрагмента, приписанного на полях.

Приписка на полях в автографе начинается отдельным словом, написанным с строчной буквы: «страданием», — после которого поставлена точка и следует новое предложение: «Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания». Анализируя характер приобщения редакторами ПСС этой приписки с полей к основной записи, надо отметить два несообразных момента.

Во-первых, в последовательности чтения ПСС оказывается совершенно непонятным, о каком «этом непосредственном сознании» идет

речь в приписке на полях: предшествующий текст этого никак не объясняет, так как «вставке», кроме заголовков, предшествует лишь одна фраза:

«ИДЕЯ РОМАНА

1

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ,
В ЧЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ.

Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием» (7; 154; фотовоспроизведение страницы рукописи: 7; 75). Во-вторых, в ПСС без каких-либо оговорок *опущено* слово «страданием» (с точкой после него), с которого и начинается «вставка». В подстрочном примечании к этому месту, вопреки истинному положению дел, читаем: «Таков ~ страдания. *вписано на полях*» (7; 155), хотя должно было быть: «страданием. Таков ~ страдания. *вписано на полях*». Очевидно, «повтор» на полях слова «страданием» был ошибочно воспринят редакторами не как полновесный элемент текста, но лишь как своеобразный знак места вставки (и именно поэтому опущен при воспроизведении). Но для творческих рукописей Достоевского такое обозначение места вставки не характерно.

Отмеченные несообразности, возникающие при воспроизведении фрагмента в ПСС, разрешаются сами собой, если мы будем читать этот текст в его *естественной* последовательности. При таком чтении не может не броситься в глаза *отсутствие точки* в последней фразе, которой заканчивается страница рукописи (и которой редакторы ПСС *завершают* текст фрагмента): «<...> приобретается опытом *рго* и *contra*, которое нужно перетащить на себе <...>», и — с другой стороны — грамматически и семантически стройное завершение этой фразы, создаваемое словом «страданием» (*с точкой на конце*), с которого и начинается приписка на полях: «<...> приобретается опытом *рго* и *contra*, которое нужно перетащить на себе *страданием*.» Следовательно, текст на полях оказывается не позднейшей вставкой *в середине* записи, но естественным ее продолжением (и завершением), как бы во второй «столбец», когда текст, идущий по центру страницы, достигает ее нижнего края.

При такой интерпретации последовательности текста фрагмент должен читаться в следующем виде (в воспроизведении учтены и некоторые другие текстологические нюансы):

«ИДЕЯ РОМАНА

1

Православное воззрение в чем есть Православие.

Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием.

Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием. Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно-чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом *рго* и *contra*, которое нужно перетащить на себе *страданием*. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, — есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания».

Кстати, в таком варианте сам собой находится и ответ на вопрос, о каком «этом непосредственном сознании, чувствуемом житейским процессом», идет речь в приписке на полях: *ранее* Достоевский говорит о «жизненном знании и сознании (т.е. непосредственно—чувствуемом телом и духом, т.е. **жизненным всем процессом**)». Это, пожалуй, лучший аргумент в пользу предлагаемого прочтения столь важного в творческой лаборатории писателя текста.

3

В рабочей тетради Достоевского 1864–1865 гг., в наброске к неосуществленной статье «Социализм и христианство», содержится пассаж, который в ПСС прочитан так, что вызывает невольное удивление: «Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там... **не верьте Апокалипс<ису>**» (20; 193). Конечно же, в середине 1860-х гг. апокалиптические настроения и ожидания у Достоевского еще не так сильны, как в 1870-е, но тем не менее Откровение святого Иоанна Богослова всегда было для писателя одной из наиболее притягательных и авторитетных книг Нового Завета. Известно, что именно в Апокалипсисе, в личном экземпляре Евангелия Достоевского, против стиха: «И видел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как дракон» (13: 11) чернилами помечено: «социал<изм>» (7; 399). В богословской традиции «другой зверь», особенно благодаря его атрибуту: «два рога, **подобные агнчим**», — истолковывается как лжехристос, антихрист, своим *внешним обликом* похожий на Мессию, Агнца, но во всем ему противоположный. Помета Достоевского на полях Апокалипсиса фактически отождествляет социализм и антихриста, точнее позволяет интерпретировать социализм как воплотившегося антихриста. В таком контексте процитированные строки из наброска «Социализм и христианство» оказываются ключевыми для всего замысла писателя, но тем более странным и неожиданным в связи с только что сказанным представляется завершение этого пассажа: «**Не верьте Апокалипс<ису>**». Так, наверное, мог бы сказать сам антихрист.

Однако даже поверхностный анализ помогает снять противоречие. Дело в том, что анализируемая фраза представляет собой очень близкий парафраз (включающий в себя почти буквальную цитату) разговора Христа с учениками о «конце века» в главе 24 Евангелия от Матфея: «Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: „я Христос“, и многих прельстят <...> Тогда если кто скажет вам: „вот здесь Христос“ или „там“, — **не верьте**» (24: 4–5, 23). Здесь же Христос рисует картины «конца века», которые в богословской традиции связываются с Книгой Откровения и иногда именуется «малым апокалипсисом».

В свете сказанного открывается, что, кроме всего прочего, в публикации ПСС предложена ошибочная конъектура, не только затемняю-

щая, но делающая невозможной верную интерпретацию; и ключевая для замысла статьи фраза может читаться только так: «Социализм назвался Христом и идеалом, а здесь Христос или там... не верьте. Апокалипс<ис>».

2. НЕИЗВЕСТНАЯ СТИХОТВОРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ ДОСТОЕВСКОГО

В апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. помещена главка, названная «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика». Заглавный «персонаж» этой главки — «благодетельный швейцар», то есть швейцарец, — ведет свою родословную от загадочного стихотворения, которое по ходу изложения цитирует Достоевский: «...И сами в Европу ездили, и оттуда учителей к себе привозили. Перед революцией французской, во времена Руссо и переписки императрицы с Вольтером, была у нас мода на учителей швейцарцев

... И просвещение несущий всем швейцар.

„Приезжай, бери деньги, только огумань и очеловечь“, — действительно была тогда такая мода» (22; 116). К процитированной стихотворной строчке Достоевский делает подстрочное примечание: «Стих, кажется, графа Хвостова. Я помню даже четверостишие, в котором поэт перечисляет все народы Европы:

Турк, Перс, Прусс, Франк и мстительный Гишпанец,
Италий сын и сын наук Германец,
Меркантилизма сын, стрегущий свой товар,
(то есть Англичанин)

И просвещение несущий всем Швейцар...» (Там же)

Замечу, что это подстрочное примечание появляется только в белом автографе или даже в корректурах: в черновом автографе его нет (см.: 22; 225). Но главное, что источник цитаты вызывает затруднение у комментаторов. В примечаниях ПСС к этому месту читаем: «Достоевский, по-видимому, ошибся, указав автором цитируемого стихотворения Д. И. Хвостова» (22; 379). Следовательно, среди произведений графа Хвостова процитированных строк не обнаружено. В процессе подготовки примечаний комментатором высказывалось предположение, что, возможно, приведенное Достоевским четверостишие является литературной мистификацией автора «Дневника писателя», но в печатный текст комментария это соображение не попало. Однако существует аргумент, который делает это предположение более чем вероятным.

Среди автографов Достоевского, которые хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, находится отдельный листок тетрадного формата, содержащий разнохарактерные записи, датируемые в основном 1876 г. (ИРЛИ. ф. 100, № 29444). Наряду с набросками к первым главам «Дневника писателя», черновыми заготовками, позднее использованными при работе над «Братьями Карамазовыми», и некоторыми

другими материалами (о чем ниже), на этом листке находим и то самое стихотворение, которое Достоевский цитирует в главке «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика», но — в расширенном виде (не 4, а 6 строчек) и, самое главное, с такими вариантами отдельных строк, которые не оставляют никаких сомнений, что перед нами оригинальный стихотворный опыт самого автора «Дневника писателя», а не записанные по памяти строки *другого* поэта. Различия в вариантах, причем не только лексико-грамматического, но и содержательного характера, настолько выразительны, что их невозможно объяснить трудностями «припоминания» чужого текста: на лицо следы творческого процесса самого Достоевского.

Приведу целиком это стихотворение (в отличие от включенного в «Дневник писателя» четверостишия есть основания полагать, что здесь записан завершённый текст), в квадратных скобках помещая содержащиеся под строкой и над строкой незачеркнутые варианты:

Турк, Перс, Прусс, Франк и мстительный Гишпанец
Итали сын и сын наук Германец,
Меркантилизма сын стрегущий свой товар
И просвещение несущий всем швейцар
[И просвещения Сын услужливый швейцар]
Пред Россом встанут все склонясь главами рядом
А Росс вняв воплям их не обернется задом
[А Росс влюбя их к ним не обернется задом]

Текст этот впервые (и единственный раз) был опубликован в 1935 г. А. С. Долининым в подстрочном примечании к публикации подготовительных материалов к «Братьям Карамазовым»⁴, он же в примечаниях к публикации первым и охарактеризовал эти строки как «стихотворение графа Хвостова», сославшись на их цитацию в апрельском выпуске «Дневника писателя»⁵. Очевидно, как «чужой текст», лишь «записанный» Достоевским, это стихотворение и не было включено в ПСС⁶. Однако совокупность приведенных наблюдений заставляет считать, что стихотворение «Турк, Перс, Прусс, Франк...» — это оригинальное произведение писателя, дополняющее наши представления о Достоевском — стихотворном пародисте. Косвенно о том, что этот текст является созданием самого писателя, крайне редко обращавшегося к стихотворной форме, свидетельствует, между прочим, и тот факт, что на этом же листке содержится еще одно шуточное стихотворение — «Крах конторы Баймакова» (ранняя редакция), однозначно атрибутируемое самому

⁴ См.: Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 94.

⁵ Там же. С. 361.

⁶ Вместе с тем представляется, что хотя бы в примечаниях к апрельскому выпуску «Дневника писателя» эта запись все равно должна была быть упомянута как содержащаяся в творческих рукописях Достоевского и в придачу дающая расширенный вариант текста, источник которого комментаторы не смогли установить.

Достоевскому и как оригинальное произведение опубликованное в ПСС (см.: 17; 33, ср. 23). Таким образом, «Турк, Перс, Прусс, Франк...» должно быть введено в основной корпус текстов Достоевского и публиковаться в составе подготовительных материалов к апрельскому выпуску «Дневника писателя» 1876 г.

Рамки жанра текстологических заметок не позволяют мне углубиться в содержательную характеристику этого стихотворения, но отмечу, что оно представляет интерес не только как факт литературной мистификации, с одной стороны, и тонкая стихотворная пародия — с другой. Особенно в контексте проблематики «Дневника писателя» (не исключительно главки «Благодетельный швейцар, освобождающий русского мужика», но «Дневника» в целом) приобретает исключительное значение то обстоятельство, что «патетически» явленная в этих стихах «модель» грядущих взаимоотношений России «со всеми племенами великого арийского рода» (26; 147), где персонифицированные европейские «эт-носы» «пред Россом встанут все, склонясь главами, рядом», а Росс, — «стремясь внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей» (26; 148), — «вняв воплям их / взлюбя их к ним не обернется задом», — что «модель» эта суть не что иное, как трагестийно сниженная карикатура на «русскую идею», как ее исповедовал сам Достоевский. Конечно же, эти стихи отнюдь не самопародия писателя. Но вопрос о том, как стихотворение «Турк, Перс, Франк, Прусс...» могло бы функционировать в повествовательной структуре «Дневника», где, по замечанию Бахтина, собственная мысль Достоевского-публициста «пробирается через лабиринт голосов, полуголосов, чужих слов, чужих жестов»⁷, — это уже тема другого, вполне самостоятельного исследования.

3. ЗАПЯТАЯ, ИЗМЕНИВШАЯ СЮЖЕТ РОМАНА

В VIII-й (последней) главке VI-й части «Преступления и наказания», за полчаса до явки с повинной в полицейскую контору, Раскольников приходит к Сонечке Мармеладовой. «Радостный крик вырвался из ее груди. Но, взглянув пристально в его лицо, она вдруг побледнела.

— Ну да! — сказал, усмехаясь, Раскольников, — я за твоими крестами, Соня. <...> Соня молча вынула из ящика два креста, кипарисный и медный, перекрестилась сама, перекрестила его и надела ему на грудь кипарисный крестик.

— Это значит, символ того, что крест беру на себя, хе! хе! **И точно, я до сих пор мало страдал!**» (6; 403).

Так этот текст опубликован в ПСС. Раскольников — следует из прямого смысла выделенной фразы — видит в «донесении на себя» путь,

⁷ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 109.

указанный ему Соней: «Страдание принять и искупить себя им, вот что надо» (6, 323), сознательно принимает его: «И точно [= действительно, в самом деле], я до сих пор мало страдал!» Такое прочтение, казалось бы, поддержано ближайшим контекстом: «Я знаю тоже подобных два креста, — продолжает герой, — серебряный и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь. Вот бы те кстати теперь, право, те бы мне и надеть...» (6; 403)⁸.

Однако такая, естественно возникающая интерпретация основана на — тут трудно сказать однозначно — либо редакторском, либо корректорском вторжении в авторский текст Достоевского. «Вы имейте в виду, — не уставал повторять писатель редакторам и корректорам, которые с ним работали, — что у меня ни одной лишней запятой нет, все необходимые только; прошу не прибавлять и не убавлять их у меня»⁹. Анализируемый случай — лучшая иллюстрация тому, что у Достоевского это требование было не капризом, а осознанным и выстраданным творческим принципом.

Дело в том, что на самом деле, в отличие от варианта ПСС, восклицание Раскольникова в «каноническом тексте» романа выглядит так: «И точно_ я до сих пор мало страдал!» — запятой после слова «точно» нет ни в одном прижизненном издании «Преступления и наказания». Но без этой запятой смысл реплики героя *меняется на противоположный*: «И точно [= как будто] я до сих пор мало страдал!»

Но меняется не только смысл отдельно взятого восклицания Раскольникова. Меняется смысл всего кульминационного эпизода явки героя в полицейскую контору. Во-первых, у Достоевского (в отличие от текста ПСС, где слово «точно» получает значение *согласия*) реплика героя *полемически* направлена *против* призыва Сони: «Страдание принять...», проблематизирует его. Ведь герой, казалось бы, и без того на протяжении всего романа, с первой до последней страницы, мучительно страдает! Но проблема страдания в высшей степени сложно ставится и решается в «Преступлении и наказании». Есть «страдание» и «страдание» — различное понимание и наполнение идеи страдания¹⁰. В обращении к Раскольникову призыве Соня Мармеладова говорит *об ином* страдании, какого герой еще не знает, — о страдании от сознания собственной греховности, страдании-раскаянии. И в восклицании его перед явкой в контору, во-вторых, обнаруживается, что этот смысл Сониного призыва Раскольникову *еще не открылся*. «Я сейчас иду

⁸ Отмечу здесь попутно ошибку памяти либо Достоевского, либо Раскольникова. Ср. в сцене убийства: «На шнурке были два креста, кипарисный и медный, и, кроме того, финифтяной образок» (6; 64). *Серебряный* же крест был у Миколки, он его обменял на шкалик перед попыткой самоубийства.

⁹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 252.

¹⁰ См. об этом: Тихомиров Б. Н. «Страдание принять и искупить себя им, вот что надо»: К вопросу о философии страдания в романе Достоевского «Преступление и наказание» // Традиции и новаторство в русской классической литературе (...Гоголь ...Достоевский ...). СПб., 1992. С. 165–177.

предавать себя. Но я не знаю, для чего я иду предавать себя», — говорит он в предыдущей главе сестре Дунечке (6; 399).

Подставленная в ПСС «за Достоевского» запятая *торопит события, приближает развязку, преждевременно снимает противоречия*. Но роман отнюдь не заканчивается явкой героя в полицейскую контору. Страдания–самоосуждения герой не обретает и на каторге: «Но он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого *промаху*, который со всяким мог случиться», — читаем в Эпilogе (6; 417). Произнести фразу в редакции ПСС: «И точно, я до сих пор мало страдал!» — герой смог бы, наверное, только в финале, на последней странице романа, уже после совершившегося в нем переворота.